

УДК 930.253

Т. И. Хорхордина

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Революция 1917 г. и российские архивы: как это было

Tatyana I. Khorkhordina

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

The 1917 Revolution and Russian Archives: How It All Happened

Аннотация

В статье рассматривается история российских архивов в период революции 1917 г. Отмечается, что к началу XX в. была осознана необходимость радикального преобразования архивной системы и историки и архивисты выступили против всевластия бюрократических ведомств. Установлено, что в ходе «красной смуты» миссия губернских ученых архивных комиссий по спасению документальных памятников была продолжена их преемниками – представителями Союза российских архивных деятелей (Союз РАД), подготовившими всю идейно-теоретическую базу будущей реорганизации и централизации архивного дела. Показана преемственность идейно-теоретических основ преобразования системы отечественных архивов. Создание в марте 1917 г. Союза РАД было реакцией общества на бессилие властей спасти одну из важнейших составляющих российской культуры и государственности – архивы. На основе проанализированных источников рассматривается работа по спасению архивов в годы «красной смуты». Роль и место Союза РАД – уникальная страница в истории не только российской, но и мировой культуры. История российских архивов в период революции – прежде всего история подвижнического труда архивистов и историков. Документально доказано, что во имя спасения архивов большинство членов Союза РАД пошли на сотрудничество с представителем новой власти – Д. Б. Рязановым. В деле собирания архивов и строительства архивной системы на новой, подлин-

но научной основе Д. Б. Рязанов сумел сплотить практически всех ведущих архивистов и историков страны.

Abstract

The article studies the history of the Russian archives during the 1917 revolutions. It is noted that by early 20th century the scientific society had realized the necessity of radical changes in the archival system, and historians and archivists contested the absolute power of the bureaucratic institutions. The article discloses that in the course of the “Red trouble” the archival committees of provincial scholars were succeeded in their mission to save the documentary heritage by the Association of Russian Archival Workers, a society that laid down an ideological and theoretical basis for the future reorganization and centralization of the archives administration. The article contends a continuity of ideological and theoretical foundations of the reforms in the national archival system. The Association of Russian Archival Workers was created by the public in March 1917 in answer to inability of the authorities to save the archives, one of the more important components of Russian culture and statehood. The sources allow analyze the efforts of the Association of Russian Archival Workers to rescue the archives. Place and role of the Association of RAW in the archives salvation history of the “Red trouble” years represents an unique stage in the history of Russian, as well as world culture. History of the Russian archives in the days of the Revolutions is ultimately a history of archivists’ and historians’ selfless labour. There is documental proof that most members of the Association of RAW had to collaborate with a representative of the new regime, D.B. Ryazanov, for the sake of saving the archives. In the gathering of the archives and in rebuilding of the archival system on a new, democratic and genuinely scientific basis D.B. Ryazanov managed to unite nearly all leading archivists and historians.

Ключевые слова

Революция 1917 г., российские архивы, губернские ученые, архивные комиссии, Союз российских архивных деятелей, реорганизация и централизация архивного дела, Д. Б. Рязанов.

Keywords

1917 revolution, Russian archives, provincial scholars, archival committees, Association of Russian Archival Workers, reorganization and centralization of the archives administration, D. B. Ryazanov.

«... Только искренне любя родное и стремясь быть ему верными, можем мы плодотворно работать для создания национальной культуры и, насколько есть сил, готовить постановку

высоких задач, для которых, мы верим, призван наш великий народ»¹, – писал в 1910 г. русский мыслитель С. Н. Булгаков. Эта цитата является ключевой для понимания того, как и почему российские архивы удерживались на краю гибели в периоды смут и социальных катаклизмов и возрождались в пожаре революций начала прошлого века. Эти слова по времени совпадают с рождением идеи о необходимости подготовки и проведения коренных реформ архивного дела.

Во время социально-политических потрясений просыпаются неведомые доселе резервы источников самосохранения, которые помогают отдельному человеку и человеческому сообществу в целом справиться с энтропийными процессами «временности» – с необратимой тенденцией к аннигиляции прошлого, растворения его в небытии. Именно тогда неизбежно рождаются идеи создания своеобразного дополнительного «оборонительного пояса» из параллельных структур, которые в конечном счете объективно обеспечивают выживаемость системы сохранения государственности и национальной идентичности. Историки и архивисты образуют совместные операции по спасению документальных свидетельств о прошлом, ведя осознанную борьбу с тотальным забвением. По нашим наблюдениям, это и было основанием радикального реформирования архивного дела в России. Отсюда преемственность идейно-теоретических основ преобразования системы отечественных архивов.

В периоды смуты понятие памяти, раздвигая психофизиологические границы, превращается в важнейшую категорию общественного сознания. С этим непосредственным образом связано понимание архива как института структурированной памяти, материализованной преемственности связи поколений, в конечном счете культуры, которая создается и воспроизводится человеком в ходе исторических процессов. К сожалению, затем, в соответствии с принципом внешней дополнительности, система берет свое и политика – в ее русском изводе – оттесняет героев-подвижников за кулисы.

Однако в короткие, хотя и перманентно возвращающиеся на круги своя, времена смут этический смысл профессиональной работы архивистов становится высшим, надсистемным стимулом к восстановлению искусственно разрываемой в ходе соци-

ально-политических катаклизмов «связи времен». Лучше других архивисты сознают, что моральная основа памяти является единственным способом сохранить способность к пониманию фундаментальности различия добра и зла. Так архивист получает весьма осязаемый личностный опыт переживания истории.

Приведем в качестве наглядного примера создание уникальных в истории мировой культуры общественных институтов – Губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) и Союза российских архивных деятелей (Союз РАД).

Основатель и идейный вдохновитель ГУАК, Н. В. Калачов (1819–1885), завоевал авторитет глубокими исследованиями по истории России. В юности он работал в Археографической комиссии, затем библиотекарем в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел и наконец (с 1865 г. и до последних дней жизни) – управляющим Московским архивом Министерства юстиции (МАМЮ). Таким образом, «болезни» архивов в пореформенной России он знал не понаслышке. В 1869 г. на I Археологическом съезде он озвучил мысль о том, чтобы превратить архивы в научные учреждения и «богатые сокровищницы, из которых исследователи будут черпать сведения, дающие жизнь и плоть их идеям и воображениям»². Его не услышали и не поняли. Неприемлемой для бюрократического клана была его идея о том, что «перечень бумаг или дел, подлежащих уничтожению, должен быть категорически и ясно изложен. Лучше лишних сто дел хранить, чем уничтожить десять нужных»³.

И тогда Калачов обратился напрямую с призывом ко всем, как бы мы ныне сказали, «внесистемным» слоям общественности. Он просил об одном: пусть ведомства перед уничтожением своих архивов дадут их на просмотр членам ГУАК, чтобы они успели отобрать все, что может представлять научную ценность, для передачи в губернские исторические архивы. И произошло чудо, которое, пожалуй, могло произойти только в России и только в критические моменты ее истории: без всякой поддержки властей, в том числе финансовой, на строго добровольной основе, во имя спасения архивов на штурм бастионов чиновников кинулись культурные люди по губерниям России. В этом смысле они вместе составили всесловный, надсистемный институт свободных граждан.

В ходе «красной смуты» начала XX в. миссия ГУАК по спасению памятников старины как основы русского самосознания, вне зависимости от политических взглядов и убеждений, была продолжена их преемниками – Союзом российских архивных деятелей.

Общее в деятельности этих общественных организаций состоит, на наш взгляд, в том, что они попытались в периоды породившей их смуты в качестве программной установки выдвинуть чисто российское понимание этического измерения Памяти (термин Ю. Н. Давыдова)⁴. Не случайно при всем разбросе мнений относительно личностных особенностей главных протагонистов эпохи исследователи сходятся в одном: наука и этика были в их сознании неразделимыми понятиями.

«Добросовестность» как этическая категория, характеризующая исследовательский метод настоящего ученого, выдвигается на первый план, поскольку в мире, где центробежные силы доминируют над центростремительными, от ученого требуется готовность к самопожертвованию во имя объективной истины.

К сожалению, в смутное время этический абсолютизм нередко уступает место этическому релятивизму. Временное, «вещное» одерживает верх над вечным, непреходящим. Архивы как глубинная опора и фундамент исторической памяти первыми начинают чувствовать на себе разрушительные тектонические напряжения в недрах государства.

Если центральная власть не может или не желает заниматься архивами, ее функции принимают на себя культурные силы общества – подвижники, находившиеся до наступления социально-политических кризисов на периферии внимания со стороны государства. Вряд ли случайно, что именно в годы социальных катаклизмов архивы раскрывают свою глубинную, сокровенную сущность, а архивное дело испытывает муки радикальных реформ.

Оба института были реакцией общества на бессилие властей спасти одну из важнейших составляющих российской культуры и государственности – ее архивы.

Профессиональные историки и архивисты, а также примкнувшие к ним представители самых разных сословий, еще со времен Н. В. Калачова работавшие на общественных началах в составе

губернских ученых архивных комиссий, закрыли пробойну безвластия в днище системы в Февральские и Октябрьские штормы 1917 г.

Документально установлено, что Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. – «манифест прав науки в архивах», как называли его современники, – был подготовлен на основе проектов, которые разрабатывали члены Союза РАД задолго до октябрьских событий. Приведем малоизвестный пример неординарного, провидческого мышления членов Союза РАД.

В тверском музее была найдена рукопись, относящаяся к 1919 г., умершего от голода и болезней молодого ученого-архивоведа, одного из тех, кто сформировал «интеллектуальное ядро» Союза, – В. В. Снигирева (1885–1921). В рукописи содержится мысль, определяющая основной вектор деятельности историков и архивистов в смутные времена, которая сегодня могла бы быть включена в программу ЮНЕСКО «Память мира». В. В. Снигирев обращает внимание на необходимость «предоставить архивам, библиотекам и музеям пользоваться флагом и защитой Красного Креста со всеми вытекающими отсюда последствиями». Он писал и о крайней важности «непрестанной пропаганды на случай возможных народных движений идеи величайшей государственной и культурной ценности архивов и их материалов, долженствующих рассматриваться как некие аполитичные и экстерриториальные единицы»⁵.

Современный политолог скажет – наивная утопия.

Но именно благодаря «наивным утопистам» в России произошло то, чем восхищались, скажем, представители почтенного французского сообщества историков и архивистов. Генеральный директор архивов Франции, знаменитый историк Шарль Ланглуа, ознакомившись в Москве с состоянием наших архивов в 1928 г., отметил: «Ваша революция оказалась мудрее нашей»⁶.

Знал бы он, какой ценой заплатили профессионалы архивного дела за сохранение каждой из этих ненужных и даже вредных, с точки зрения классовой идеологии, бумаг.

Поэтому, на наш взгляд, следует отрешиться от тесных оков традиционного определения архивов, где акцентируется внимание именно на учрежденческо-утилитарной, внешней стороне

архивов, на их полезности и не говорится о самоценности архивного документа.

Вещность побеждает вечность – увы, это рудименты прагматического подхода к архивам, которые считаются всего лишь бумагами, обладающими (или не обладающими!) определенной товарной стоимостью.

В основе фундаментальной науки об архивах лежит другое представление о сути архивов, где архив и архивист вместе олицетворяют собой целостное единство живого и неживого, материального и духовного, полезного и ценного, которое само развивается по законам комплиментарности. Архивный документ – это, с одной стороны, отдельная материальная, уязвимая частица, корпускула, «единица» хранения. Но в то же время еще и неуловимая, неистребимая энергетическая волна, фотон культурного потока, квант рукотворного света, который живет, пока живет самосознание человека.

В связи с этим кажется отнюдь не случайным, что практически одновременно с открытием и развитием «принципа комплиментарности» («сочетания несочетаемого») физиками Н. Бором, В. Гейзенбергом, Э. Шредингером в России, в недрах Союза РАД, разрабатывалась «новая архивная доктрина», суть которой лаконично сформулировал еще в 1904 г. А. П. Воронов – последователь и популяризатор идей основателя отечественной науки об архивах Н. В. Калачова: «Все, что жило самостоятельно в прошлом, должно жить самостоятельно и в архиве. Распознать эти организмы в архиве есть первая задача каждого истинного архивариуса... Библиотека есть *нечто*, тогда как архив есть *некто*, а потому архив не может расчленяться произвольно, как библиотека...»⁷.

Именно короткий период с 1917 по конец 1919 г., отмеченный революционной смутой, стал поистине «медовым месяцем» в отношениях между российскими историками и архивистами, которые совместно спасали архивы. Теоретик и историк отечественного архивного дела В. Н. Автократов имел все основания назвать этот этап героическим⁸.

К началу XX в. необходимость радикального преобразования архивной системы осознавалась практически всеми историками и архивистами. В проектах архивных реформ Н. В. Калачова⁹ и

Д. Я. Самоквасова¹⁰ можно найти почти текстуальные совпадения с положениями, которые затем составили основу декретов по архивному делу, принятых в первые годы советской власти. В отечественных архивах можно встретить документальное подтверждение факта, что личную заинтересованность в необходимости проведения радикального переустройства российской архивной системы проявлял император Николай II. С этого утверждения начал статью историк, один из руководителей архивной реформы в послереволюционное время С. Ф. Платонов. Он отмечал, что «новым духом» реформ в отечественном архивном деле впервые ощутимо повеяло в 1911 г., когда на годичном собрании Русского исторического общества, проходившем под председательством Николая II, «бывший император поднял вопрос об усилении мер к охране исторических документов от уничтожения» и поручил Историческому обществу разработать вопрос о положении архивного дела в России и способах его улучшения. Однако путь преобразований был прерван Первой мировой войной, а затем революционными событиями 1917 г. Не случайно С. Ф. Платонов утверждал, что в момент, «когда стали выясняться первые признаки научной деятельности архивов, нас застигло то, что называется русской революцией»¹¹.

Накануне же революционных событий практически все историки и архивисты выступали за реформирование архивной системы, против всевластия бюрократических ведомств. Парадоксально, но наиболее резко выразил эти настроения задолго до 1917 г. директор архива Священного Синода – одного из самых закрытых и привилегированных архивов дореволюционной России – А. Н. Львов: «...сколько бы мы теперь ни жаловались и ни возмущались... до изменения существующего законодательства и строя, не признающего за архивами исторического научного значения, решительно ничего не выйдет»¹².

Здесь отразилось противоборство между общественным настроением в пользу радикальных реформ и неспособностью ведомственного бюрократического аппарата решить проблему быстро, эффективно и мирным способом. Не усвоив этот исходный тезис, нельзя понять причину единодушного выступления историков и архивистов в период февральских событий 1917 г.

Прежде всего следует учесть чрезвычайные, «форс-мажорные» обстоятельства, вызвавшие появление Союза РАД.

В первый же мартовский день 1917 г., когда Временное правительство только успело объявить о начале своего существования, в Петрограде и Москве почти одновременно запылали костры во дворах зданий упраздненных новой властью органов полиции и жандармской охраны. Толпы неизвестных жгли кипы документов, которые кто-то выбрасывал прямо из окон или выносил в охапках. Как вспоминал спустя десять лет очевидец поджогов, «трудно было понять, кого в этой толпе было больше – любопытствующих или бывших охранников, стремившихся, пока не поздно, по возможности скрыть в огне костров следы своего участия в охране самодержавия»¹³. Погромам – под прикрытием «стихийных» выступлений народных масс – целенаправленно подвергались фонды Третьего отделения С. Е. И. В. Канцелярии, Департамента полиции, губернского жандармского управления, судебной палаты, дворцовой комендатуры, генерал-губернатора и т. д.

«Воззвание» группы представителей столичной интеллигенции (А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, Ф. И. Шаляпин, С. К. Маковский и др.), опубликованное в «Известиях Петроградского Совета рабочих депутатов» 8 марта 1917 г., стало первой акцией общественности в защиту памятников прошлого.

В начале марта 1917 г. флотский офицер, начальник архива Морского министерства А. И. Лебедев разослал столичным архивистам и историкам персональные приглашения на собрание с целью выработки совместной программы деятельности в переломный для России период, «дабы не приходилось в будущем скупать на рынках у антиквариетов и за границей то, что должно храниться в русских государственных архивах». И еще одно: немедленно выработать планомерную программу архивного строительства «для возможности централизации архивных государственных фондов»¹⁴.

Итогом первого (учредительного) собрания 18 марта 1917 г. стало официальное объявление о создании Союза РАД.

Через несколько дней, 22 марта 1917 г., при Временном правительстве была создана Комиссия по разработке политических дел г. Москвы, которую возглавил С. П. Мельгунов.

Кроме того, образована Комиссия по ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции во главе с В. Л. Бурцевым, а после ее упразднения в июне – Особая комиссия для обследования деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений за время с 1905 по 1917 г., работавшая при Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, которую возглавил П. Е. Щеголев.

Заветной целью председателя Союза А. С. Лаппо-Данилевского и его единомышленников было, прежде всего, как можно быстрее устранить на законной основе ведомственное неустройство и сформировать централизованную архивную систему в общегосударственном масштабе во главе с правительственным органом управления.

В письме министру просвещения Временного правительства А. А. Мануйлову, подписанном А. С. Лаппо-Данилевским, Н. В. Голицыным, А. И. Лебедевым, выражалась надежда, что «в новой и свободной России архивам и архивной службе будет придано значение, соответствующее основным целям архивного дела и обработки духовного наследия русского народа»¹⁵. Лаппо-Данилевский и его единомышленники отмечали, что архивное дело должно стоять на твердой основе централизованного управления им, направляющего деятельность всех ведомственных архивов по общей программе, вырабатываемой «в согласии с научно-историческими задачами эпохи»¹⁶.

Союз РАД посылал бумаги с пометкой «Спешно» на рассмотрение Временного правительства. Однако дни Временного правительства были уже сочтены, и инициативы общегосударственного масштаба Союза РАД в области практически-организационной, к сожалению, так и не вышли из стадии научно-теоретической работы.

Осенью 1917 г. в Петрограде царил вполне реальная паника в связи с развалом фронта и наступлением немцев по всем направлениям. Всех охватило, вспоминал Лебедев, «модное национальное переживание», и Лаппо-Данилевский в этих условиях «категорически склонялся к мысли о необходимости вывоза из Петрограда крупнейших архивов... несмотря на все

доводы о возможности гибели их в пути: лишь бы они не попали в руки врага»¹⁷.

Впрочем, члены Союза РАД надеялись на намеченный на осень 1917 г. Всероссийский съезд архивных деятелей, на котором они рассчитывали получить дополнительные полномочия в работе по реформированию архивов. Однако из-за наступления немцев и резкого обострения внутривластной обстановки в России съезд был перенесен на декабрь, а октябрьские события 1917 г. окончательно перечеркнули надежды на его проведение. В условиях полного паралича органов власти Союз РАД делал максимум возможного для спасения архивов от внешних и внутренних вандалов в соответствии с собственным пониманием профессионального и патриотического долга.

Кроме того, члены Союза РАД подготовили идейно-теоретическую базу будущей реорганизации и централизации архивного дела.

С первых же дней после захвата власти большевиками Союз РАД предпринял решительную попытку остаться вне политики. Это была естественная для ученых и профессионалов того времени позиция, продиктованная прежде всего стремлением уберечь ценности духовной культуры от перипетий разрушительной борьбы за власть.

Однако опять, как и в дни Февральской революции, архивы оказались на пороге гибели. Переживший эту вторую катастрофу А. Е. Пресняков добавил в описание трагической панорамы очередной чехарды с упразднением старых и появлением новых учреждений теперь уже «классовый» элемент: «Новые люди, которые вступили в покинутые помещения, были враждебны, по крайней мере, равнодушны ко всякой исторической традиции и обычно весьма далеки от сознательного, культурного отношения к документам прошлого. Архивные фонды казались им никому не нужным бумажным хламом... В тех – еще лучших – случаях, когда документы не подвергались опасности уничтожения, а только перемещались, делалось это нетерпеливо, небрежно, наспех... И та же разруха коснулась жутко и нетерпимо старых архивных хранилищ, разбитых на части, вытесняемых из прежних помещений, выбрасываемых на произвол любой случайности, иной раз осужденных на уничто-

жение»¹⁸. В рукописном варианте статьи приводятся подробности о том, как архивные документы с наступлением холодов шли на топку времянок, рвались на обертку, на самокрутки и т. п.¹⁹

Даже спустя шесть лет Платонов писал: «В архивном Деле октябрьский переворот повел к полному хаосу»²⁰. Одновременно свидетели, очевидцы и участники событий не могут не помянуть благодарным словом те «счастливые исключения», когда при архивах оставались прежние их хранители: «Бывали и случаи трогательного архивного героизма, когда архивариусы, не получая ниоткуда ни поддержки, ни вознаграждения, не покидали поста и берегли вверенное им архивное имущество»²¹.

В Москве захват власти большевиками, как известно, не обошелся без вооруженных столкновений с защитниками Временного правительства. Сотрудник МАМЮ Н. П. Чулков сообщил 15 декабря 1918 г. в Петроград члену Совета Союза РАД Б. Л. Модзалевскому: «Пришлось пережить жуткие дни, около недели день и ночь быть под обстрелом... Едва прозвучал последний оружейный выстрел, в архив явился военный отряд и реквизировал часть помещения... Если междоусобица возобновится, нам грозят неприятности вплоть до гибели всего, нами охраняемого»²². Больше месяца ждали архивисты МАМЮ ответа на просьбу к московским властям помочь в выселении непрощенных «поселенцев», но, правда, все-таки дождалась. Им была выдана «охранная грамота», на основании которой позже был создан миф, что чуть ли не все архивы обзавелись соответствующими документами. При обстреле и после захвата Кремля были повреждены помещения и частично сожжены солдатами документы московского отделения Архива императорского двора и губернского Архива Старых дел, хранившиеся в Троицкой, Никольской и Арсенальной башнях²³. В «Акте осмотра», подписанном архивистами С. Кологривовым и Б. Пушкиным, которые посетили Троицкую башню Кремля, обследуя размещавшееся здесь Московское отделение Общего архива бывшего Министерства двора, установлено, что запертые двери архива взломаны, везде следы варварского обращения с документами: «...культурная ценность... которую бережно в течение почти полувека выращивал архив трудами своих служащих от сторожа до начальника на благое просвещение всех русских граждан, в корне разбита,

разрушена; ...документы... теперь лежат поруганные и буквально загаженные, т. к. разрушители и грабители в нескольких местах дворцового архива поустроили отхожие места»²⁴.

Об отношении большевиков к архивам прежних лет говорит следующий факт: в ночь на 25 октября 1917 г. они тайно сожгли архив собственного Военно-революционного комитета, когда им показалось, что восстание обречено на провал²⁵. Иначе говоря, после ноября 1917 г. интеллигенция столкнулась в массовых масштабах с вандализмом особого рода – на «идеологической основе»²⁶.

Академик А. С. Лаппо-Данилевский в дни большевистского переворота вместе с другими академиками (М. А. Дьяконовым, С. Ф. Ольденбургом, М. И. Ростовцевым, А. А. Шахматовым и Н. С. Курнаковым) подписал официальное заявление Российской академии наук, которое начиналось: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства». В голодный и холодный Петрограде он отказывался идти на контакты с представителями Советской власти и разрабатывал проект создания Института социальных наук в противовес Социалистической академии, пытаясь защитить чисто научные, внепартийные интересы ученых и обеспечить им условия для независимой исследовательской работы.

Тем не менее страх за судьбу архивов пересилил личный страх. По словам С. Ф. Платонова, архивисты и историки не могли долго оставаться «бессильными зрителями происходившей на их глазах гибели исторических ценностей». Именно этим было обусловлено то, что 28 января 1918 г. члены Союза РАД собрались на первое после падения Временного правительства общее собрание, на котором по предложению Лаппо-Данилевского было решено принять ряд экстренных мер «по ограждению архивов от разрушений, разграблений, захвата их помещений и т. п.».

А. С. Лаппо-Данилевский призвал обратиться к новому правительству с требованием решить, наконец, в практическом плане вопрос о создании объединенного союза всех ученых (научных и научно-исследовательских) учреждений и высших учебных заведений «для защиты внепартийных научных инте-

ресов» и обеспечения автономии всех ученых учреждений, к которым относились и архивы. На имя наркома просвещения А. В. Луначарского было составлено соответствующее письмо, которое должна была вручить ему лично делегация Союза РАД во главе с Н. В. Голицыным. Одновременно члены Союза РАД приняли документ с просьбой к архивистам вернуться на свои рабочие места.

На следующем собрании, 30 января 1918 г., Союз РАД поручил совету дополнить письмо «мотивированным заявлением», где содержалось бы требование предоставить каждому крупному архиву внутреннюю автономию.

Весной 1918 г. СНК принял решение об эвакуации крупнейших архивов из Петрограда в Москву и о назначении уполномоченного Совнаркома Петроградской коммуны «по ликвидации и реорганизации архивов», которым стал Д. Б. Рязанов.

Полным совпадением «ментальностей» можно объяснить тот факт, что Д. Б. Рязанову поверили такие разные люди, как академик С. Ф. Платонов, князь Н. В. Голицын и флотский офицер-архивист А. И. Лебедев. Последующие события показали, что Рязанов не лукавил, когда сразу же заявил собравшимся, что пришел на заседание руководства Союза РАД не как комиссар и не с целью захвата власти, а по личному приглашению авторитетных представителей российской интеллигенции тех лет (П. Е. Щеголева, В. И. Срезневского, Б. И. Николаевского и др.). Он показал, что его цель – добиться принятия и проведения в жизнь закона о централизации архивного дела, разработанного членами Союза, поскольку только на этой легальной основе можно спасти гибнущие повсеместно архивы.

Вот почему даже непримиримый по отношению к большевикам А. С. Лаппо-Данилевский присоединился к голосованию в пользу предложения «приветствовать назначение Рязанова» руководителем централизации архивного дела в ходе исторического заседания Союза РАД 27 марта 1918 г.²⁷

Один из первых исследователей роли Д. Б. Рязанова и С. Ф. Платонова в строительстве новой архивной системы России С. О. Шмидт отмечал: «...никогда не было столь близкого и результативного творческого содружества архивов и исторической науки – и, пожалуй, не только в России»²⁸. Науч-

но-теоретические разработки историков и архивистов, группировавшихся вокруг Союза РАД, определили концептуальное содержание Декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г., ставшего юридической основой для проведения архивной реформы. Декрет вошел в отечественную историю как первый законодательный акт, принятый на высшем уровне и регулировавший деятельность системы архивов в общегосударственном масштабе.

По настоянию Д. Б. Рязанова центральное ведомство по управлению создававшимся Единым государственным архивным фондом – Главное управление архивным делом (ГУАД) – было включено в систему Наркомата просвещения и поставлено на фундамент государственного финансирования. Это было реализацией проекта, который предлагали российские архивисты с середины XIX в.

В деле спасения архивов и строительства архивной системы на новой, подлинно научной основе Рязанов сумел сплотить практически всех ведущих архивистов и историков страны.

Однако при первой же возможности долго зревший конфликт между политикой в архивной сфере руководства большевистской партии в лице М. Н. Покровского, с одной стороны, и Д. Б. Рязановым – с другой, в конечном счете был разрешен в форме административного вмешательства. Летом 1920 г. Д. Б. Рязанов был смещен с поста руководителя архивного ведомства. Его место заняла коллегия во главе с М. Н. Покровским, который сразу заявил, что отныне перед старыми специалистами дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта.

С отстранением Д. Б. Рязанова началась новая эпоха в истории отечественных архивов, связанная с политизацией архивов и возрождением господства принципа ведомственности, который с таким трудом преодолевали историки-архивисты в 1918–1920-х гг.

Примечания

¹ Булгаков, С. Н. Из философии культуры // Героизм и подвижничество. – М., 1992. – С. 208–309. BULGAKOV S. N. *Iz filosofii kul'tury* [From the philosophy of culture. In Russ.]. IN: *Geroism i podvizhnichestvo* [Heroism and devotion. In Russ.]. Moscow, 1992, pp. 208–309.

² Калачов, Н. В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. Т. 1. – СПб., 1877. – С. 207. KALACHOV, N. V. *Arkhiy, ikh gosudarstvennoe znachenie, sostav i ustroystvo* [Archives, their national significance, collections and work arrangements. In Russ.]. IN: *Trudy I Arkheologicheskogo s"ezda v Moskve. 1869. T. 1.* [Proceedings of the 1st Archeological Congress in Moscow. 1869. Vol. 1. In Russ.]. St. Petersburg, 1877, p. 207.

³ Хорхордина, Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. – М.: РГГУ, 2003. – С. 145–177. KHORKHORDINA, T. I. *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi* [Russian science on the archives: History. Theory. People. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2003, pp.145–177.

⁴ Давыдов, Ю. Н. Этическое измерение памяти // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 165–200. DAVYDOV, YU. N. *Eticheskoe izmerenie pamyati* [Ethical dimension of memory. In Russ.]. IN: *Eticheskaya mysl'. Nauchno-publitsisticheskie chteniya* [Ethical thought: Science and publicistic readings. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1990, pp. 165–200.

⁵ Тверской областной объединенный музей. Ф. Р-1. Оп. 1. Папка № 431. Л. 33. Снигирев, В. В. Важнейшие достижения западноевропейской теоретической мысли и практики в области постановки архивной работы. Доклад Московскому съезду архивных деятелей. Рукопись. *Tverskoi oblastnoi ob"edinennyi muzei* [Tver Regional United Museum], fond Р-1, series 1, folder no. 431, p. 33. SNIGIREV, V. V. *Vazhneishie dostizheniya zapadnoevropeiskoi teoreticheskoi mysli i praktiki v oblasti postanovki arkhivnoi raboty. Doklad Moskovskomu s"ezdu arkhivnyh deyatelei. Rukopis'* [Most important achievements of the Western theoretical thought and practice in the field of archival work. Report to the Moscow Congress of archival workers. Manuscript. In Russ.].

⁶ Старостин, Е. В., Хорхордина, Т. И. Архивы и революция. – М., 2007. – С. 134. STAROSTIN, E. V., KHORKHORDINA, T. I. *Arkhiy i revolyutsiya* [Archives and the revolution. In Russ.]. Moscow, 2007, p. 134.

⁷ Воронов, А. П. Архивоведение: Конспект лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте. – СПб., 1904. – С. 16. VORONOV, A. P. *Arkhiyovedenie: Konspekt lektcii, chitannykh v S-Peterburgskom arkhologicheskoi institute* [Archival science: Synopsis of the lectures read in the St. Petersburg Archeological Institute. In Russ.]. St. Petersburg, 1904, p.16.

⁸ Автократов, В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М.: РГГУ, 2001. – С. 330. AVTOKRATOV, V. N. *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of the national archival science. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2001, p. 330.

⁹ Калачов, Н. В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. Т. 1. – СПб., 1877. KALACHOV, N. V. *Arkhiy, ikh gosudarstvennoe znachenie, sostav i ustroystvo* [Archives, their national significance, collections and work arrangements. In Russ.]. IN: *Trudy I Arkheologicheskogo s"ezda v Moskve. 1869. T. 1.* [Proceedings of the 1st Archeological Congress in Moscow. 1869. Vol. 1. In Russ.]. St. Petersburg, 1877.

¹⁰ Самоквасов, Д. Я. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. – М., 1902. SAMOKVASOV, D. YA. *Proekt*

arkhivnoi reformy i sovremennoe sostoyanie okonchatel'nykh arkhivov v Rossii [The project of the archival reform and current state of the final archives in Russia. In Russ.]. Moscow, 1902.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5325. Оп. 9. Д. 408. Л. 2–5. ВЦИК – ЦАУ. Записка С. Ф. Платонова об организации ЦАУ. Машинопись. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF), fond 5325, series 9, file 408, pp. 2–5. *VTsIK – TsAU. Dokladnaya zapiska S.F. Platonova ob organizatsii TsAU (mashinopis')* [All-Russian Central Executive Committee – Central Archival Directorate. Report of S. F. Platonov on organization of the Central Archival Directorate. Typewriting].

¹² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об., 4–4 об. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Early Acts] (RGADA), fond 1628, series 1, file 28, pp. 1 verso, 4–4 verso.

¹³ *Максаков, В. В.* Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // Архивное дело. – 1927. – Вып. XIII. – С. 29. *MAKSAKOV V. V. Arkhiv revolyutsii i vneshnei politiki XIX i XX vv.* [Archive of the Revolution and Foreign Policy of the 19th and 20th centuries. In Russ.]. IN: *Arkhivnoe delo*, 1927, issue XIII, p. 29.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 42. Л. 5–6. GARF, fond 7789, series 1, file 42, pp. 5–6; *Автократов, В. Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М.: РГГУ, 2001. – С. 331. *AVTOKRATOV V. N. Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of the national archival science. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2001, p. 331.

Обращаем внимание на ключевые требования, содержащиеся в документе. В них уже содержатся две базовые установки (о создании государственных архивных фондов и необходимости их централизации), которые войдут затем в Декрет от 1 июня 1918 г.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 3. Л. 8. GARF, fond 7789, series 1, file 3, p. 8.

¹⁶ Там же. Л. 9. GARF, fond 7789, series 1, file 3, p. 9.

¹⁷ *Автократов, В. Н.* Указ. соч. – С. 16. *AVTOKRATOV V. N.*, 2001, p. 16.

¹⁸ *Пресняков, А. Е.* Реформа архивного дела в России // Русский исторический журнал. – 1918. – Кн. 5. – С. 208–209. *PRESNYAKOV, A. E. Reforma arkhivnogo dela v Rossii* [Reform of the archiving in Russia. In Russ.]. IN: *Russkii istoricheskii zhurnal*, 1918, book 5, pp. 208–209.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 19. GARF, fond 5325, series 9, file 480, p. 19.

²⁰ Там же. Л. 5. *Ibid.*, p. 5.

²¹ *Пресняков, А. Е.* Реформа архивного дела... – С. 208. *PRESNYAKOV, A. E.*, 1918, p. 208.

²² ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 18. Л. 17–17 об. GARF, fond 7789, series 1, file 18, pp. 17–17 verso.

²³ Там же. Д. 27. Л. 44–44 об. *Ibid.*, file 27, pp. 44–44 об.

²⁴ *Седельников, В. О.* ЧК и архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы Советской власти // Звенья. Исторический альманах. Вып. I. – М., 1991. – С. 439–450. *SEDEL'NIKOV, V. O. ChK i arkhivy: Dva epizoda iz istorii*

arkhivnogo dela v pervye gody Sovetskoj vlasti [Cheka and archives: Two episodes from the history of archiving in the first years of the Soviet regime. In Russ.]. IN: *Zven'ya. Istoricheskii al'manakh. Vyp. 1* [Links: A historical almanac. Issue 1. In Russ.]. Moscow, 1991, pp. 439–450.

²⁵ *Автократов, В. Н.* Указ. соч. – С. 32. AVTOKRATOV, V. N., 2001, p. 32.

²⁶ В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. Литературное наследство. Т. 80. – М., 1971. – С. 6. *V. I. Lenin i A. V. Lunacharskii. Perepiska, doklady, dokumenty. Literaturnoe nasledstvo. T. 80* [V. I. Lenin and A. V. Lunacharsky: Correspondence, reports, documents: Literary heritage. Vol. 80. In Russ.]. Moscow, 1971, p. 6.

²⁷ *Ростовцев, Е. А.* Деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. Вып. 1. – СПб., 2001. – С. 237. ROSTOVTSEV, E. A. Deyatel'nost' A.S. Lappo-Danilevskogo v Rossiiskoi Akademii nauk [Activities of A.S. Lappo-Danilevsky in the Russian Academy of Sciences. In Russ.]. IN: *Istochnik. Istoriya: Sb. nauch. rabot. Vyp. 1* [Source. Historian. History: A collection of scientific works. In Russ.]. St. Petersburg, 2001, p. 237.

²⁸ *Шмидт, С. О.* К юбилею Д. Б. Рязанова // Археографический ежегодник за 1995 год. – М., 1997. – С. 40. SHMIDT, S. O. *K yubileyu D.B. Ryazanova* [For the anniversary of D.B. Ryazanov. In Russ.]. IN: *Arheograficheskii ezhegodnik za 1995 god* [Archeographical annals for 1995. In Russ.]. Moscow, 1997, p. 40; *Шмидт, С. О.* О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и истории его подготовки и реализации // Отечественные архивы. – 2008. – № 6. – С. 134–138. SHMIDT, S. O. *O vospriyatii v istoricheskikh trudakh dekreta ob arkhivnom dele 1918 g. i istorii ego podgotovki i realizatsii* [On perception of the archives decree of 1918 in historical works and history of its preparation and realization. In Russ.]. IN: *Otechestvennye arhivy*, 2008, no. 6, pp. 134–138.

Список литературы

Автократов, В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М.: РГГУ, 2001. – 393 с.

Булгаков, С. Н. Из философии культуры // Героизм и подвижничество. – М., 1992. – С. 208–309.

Давыдов, Ю. Н. Этическое измерение памяти // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 165–200.

Пресняков, А. Е. Реформа архивного дела в России // Русский исторический журнал. – 1918. – Кн. 5. – С. 205–222.

Старостин, Е. В., Хорхордина, Т. И. Архивы и революция. – М.: РГГУ, 2007. – 180 с.
Хорхордина, Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. – М.: РГГУ, 2003. – 535 с.

Шмидт, С. О. К юбилею Д. Б. Рязанова // Археографический ежегодник за 1995 год. – М., 1997. – С. 35–48.

Шмидт, С. О. О восприятии в исторических трудах декрета об архивном деле 1918 г. и истории его подготовки и реализации // Отечественные архивы. – 2008. – № 6. – С. 134–138.

References

- AVTOKRATOV, V. N. *Teoreticheskie problemy otechestvennogo arkhivovedeniya* [Theoretical issues of the national archival science. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2001, 393 p.
- BULGAKOV, S. N. *Iz filosofii kul'tury* [From the philosophy of culture. In Russ.]. IN: *Heroism i podvizhnichestvo* [Heroism and devotion. In Russ.]. Moscow, 1992, pp. 208–309.
- DAVYDOV, YU. N. *Eticheskoe izmerenie pamyati* [Ethical dimension of memory. In Russ.]. IN: *Eticheskaya mysl'*. Nauchno-publitsisticheskie chteniya [Ethical thought: Science and publicistic readings. In Russ.]. Moscow, Politizdat publ., 1990, pp. 165–200.
- KHORKHORDINA, T. I. *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi* [Russian science on the archives: History. Theory. People. In Russ.]. Moscow, RGGU publ., 2003, 535 p.
- PRESNYAKOV, A. E. *Reforma arkhivnogo dela v Rossii* [Reform of the archiving in Russia. In Russ.]. IN: *Russkii istoricheskii zhurnal*, 1918, book 5, pp. 205–222.
- STAROSTIN, E. V., KHORKHORDINA, T. I. *Arkhivy i revolyutsiya* [Archives and the revolution. In Russ.]. Moscow, 2007, 180 p.
- SHMIDT, S. O. *K yubileyu D.B. Ryazanova* [For the anniversary of D.B. Ryazanov. In Russ.]. IN: *Arheograf. ezhegodnik za 1995 god* [Archeographical annals for 1995. In Russ.]. Moscow, 1997, pp. 35–47.
- SHMIDT, S. O. *O vospriyatii v istoricheskikh trudakh dekreta ob arkhivnom dele 1918 g. i istorii ego podgotovki i realizatsii* [On perception of the archives decree of 1918 in historical works and history of its preparation and realization. In Russ.]. IN: *Otechestvennye arhivy*, 2008, no. 6, pp. 134–138.

Сведения об авторах

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, кафедра истории и организации архивного дела, заведующая кафедрой, ioad@yandex.ru

About author

Khorkhordina Tatyana Innokentyevna, PhD in History, professor, head of the Department of the History and Structure of Archives Administration, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, ioad@yandex.ru

В редакцию статья поступила 20.02.2017 г., опубликована:

Хорхордина, Т. И. Революция 1917 г. и российские архивы: как это было // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 38–56.

Submitted 20.02.2017, published:

Khorkhordina, T. I. *Revolutsiya 1917 g. i rossiiskie arkhivy: kak eto bylo* [The 1917 Revolution and Russian archives: How it all happened. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. 2, pp. 38–56.